

Дарья

ДОНЦОВА

пятизвездочный теремок

сериал

**«Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант»**

Москва
2022

Глава 1

«Женщине, которая хочет стать счастливой в браке, надо обладать хорошим здоровьем и плохой памятью».

— Если заболеешь, то не сможешь с мужем в кино пойти, — философствовала Киса, — ему это не понравится, скандал получится. Значит, про здоровье правильно сказано. А про плохую память тетя ошиблась. Она же все забывать начнет, попросят ее дети с уроками помочь, мать кивнет, а потом раз — и все вылетело из головы, продуктов не купит.

Я покосилась на соседний столик, где сидела курдючая блондинка в зеленом платье, которая только что громко произнесла эту фразу, и пояснила:

— На мой взгляд, она права. Представь, что ты разбила дорогую вазу.

— У нас таких нет, — возразила девочка.

Я изменила условия задачи:

— Ты пошла гулять с Фирой и Мусей, потеряла их...

— Меня одну не отпускают, — опять не согласилась Киса.

— Взяла в гимназию вместо ранца мою сумку и...

— Зачем она мне? — удивилась Киса. — Я не маленькая, не перепутаю.

Я вздохнула.

— Макс может разбить машину?

— Нет, — твердо ответила Киса, — он хорошо водит, всегда осторожно ездит.

— Ах ты идиот! — завизжал пронзительный дискант. — Косорукий!

Мы с Кисой одновременно повернулись в сторону вопля. Неподалеку от нас стояла маленькая тощенькая женщина, похожая на злую птицу, по ее голубому свитеру стекали красные струйки. Рядом топтался крупный мужчина с чашкой в руке.

— Говорила мне мама, — голосила незнакомка, — не выходи замуж за Кольку. Дурак он. Почему я не послушалась? Стал идиот семь лет назад окно мыть — разбил. На даче в позапрошлом году забор взялся чинить — так повалил. Сейчас сок томатный нес. И где он, а? На мне! Когда мы поженились, ты, болван, часы вешал на стену — грохнул ходики...

— Ну, Люся, — смущенно забубнил супруг, — я не нарочно.

— Кретин! — отрезала баба и выбежала из ресторана.

— Сама коза, — с запозданиемотреагировал муж, — ведешь подсчет того, что я не так сделал! А кто тебе шубу купил? Между прочим, из африканской норки!

— В Африке они не живут. Издохлой кошки подарочек, — ответила из коридора его супруга, — ты мне надоел с ней. Один раз приобрел дешевую доху, и сто лет она у тебя показатель твоей любви. Я сносила ее давно.

Муж стиснул зубы и кинулся за женой.

— Вот у них хорошая память, — вздохнула я, — тетка помнит все плохое о муже, а он не может забыть, какой ей подарок преподнес. И ругаются поэтому постоянно. Им бы немного склероза, и зажили бы счастливо.

— Нет, — снова не согласилась Киса, — нужно о плохом не вспоминать, а все хорошее, что тебе другой сделал, помнить.

— Добрый день, — произнес очень приятный голос.

Я обернулась. Рядом с нашим столиком стояла женщина лет тридцати пяти в темно-синем платье, на котором белел бейджик: «Воспитатель».

— Вы госпожа Романова? — уточнила она.

— Да, — подтвердила я.

— Мне надо с вами поговорить, — сказала незнакомка.

— Простите, вы кто? — осведомилась я.

— Валентина Марковна Горкина, — представилась дама. — Вы записали свою девочку в студию ремесел. Я веду там занятия.

Я подавила вздох. Ну и что натворила Киса?

— В нашей санатории, — завела Валентина, — мамочки и детки получают все необходимое. Мы

стареемся обеспечить им максимальный комфорт проживания. У вас удобная комната?

— Вполне, — ответила я.

— Вам не тесно с девочкой в одной спальне? — спросила воспитательница.

— У нас две спальни, гостиная и кабинет, — уточнила я, — номер люкс.

Собеседница расплылась в улыбке.

— Ну тогда жалоб на условия нет.

— Вешалок в шкафу мало, полотенец всего три, подушки жесткие, — деловито перечислила Киса. — Путевка стоит как в пять звезд, а на самом деле здесь уровень трех.

— Экая ты придирчивая, — воскликнула Валентина.

— Я говорю правду, — возразила Киса, — если вы заплатите за полкило сыра, а получите двести граммов, будете улыбаться? Наверное, потребуете отдать то, что не получили. А почему в вашей санатории иначе? У вас на сайте написано, что в люксе телевизор в каждой комнате. А у нас только в гостиной. И...

— Девочка, — остановила Кису Валентина, — поди погуляй!

— Зачем? — спросила Киса.

— Нам с твоей мамой надо поговорить.

— Хорошо, я помолчу, — пообещала Кисуля.

— Наедине, — уточнила Валентина, — без тебя.

Ступай. Оставь взрослых.

Я кашлянула.

— Валентина Марковна, Киса останется за столом. Она обедает. Слушаю вас.

— Тема беседы не для детей, — разозлилась воспитательница, — вам нужно объяснить дочке правила поведения.

— Это мой ребенок, — возразила я, — и мое воспитание.

— Наплачетесь вы с ней, — фыркнула Горкина. — Я не хотела доставлять девочке неприятные переживания, но вы сами так решили. Киса сегодня занималась в кружке лепки. Я всегда провожу тестирование детей. Ваш ребенок продемонстрировал интеллект на пять баллов.

— Прекрасно, — обрадовалась я.

— По стобальной системе, — уточнила Валентина.

— Это невозможно, — отрезала я.

— Она у вас элементарного не знает, — заявила Горкина. — Не верите?

— Конечно, нет, — сказала я.

— Удивительно, но матери умственно отсталых отпрысков всегда считают их гениальными, — закатила глаза воспитательница.

Потом она открыла свою сумку, вытащила оттуда муляжи яблока, апельсина, банана и груши, положила их на стол и спросила:

— Это что?

У Кисы вытянулось лицо:

— Вы меня уже спрашивали.

— На занятии, — подтвердила Валентина, — а теперь при матери ответь: что это? Мамаша тебя считает интеллектуалкой. Вот и продемонстрируй нам свой ум.

— Не помню, — расстроилась Киса, — ведь знала! И забыла! Па... ма... ше... как-то так...

— Кисонька, ты что, прикидываешься? — спросила я.

— Нет, — чуть не плача, ответила девочка, — па... маша... па... и им... ц...

Я опешила.

— Ну... убедились? — злорадно спросила Валентина. — Она не могла назвать фрукты!

— Фрукты? — повторила Киса. — Где они?

Воспитательница схватила один муляж:

— Вот.

— Нет, — засмеялась Киса, — это не яблоко! Не фрукт! Это... па... О! Папье-маше! Вспомнила. Яблоко вкусное, сочное, пахнет приятно. А от муляжа воняет клеем, он пачкается, у вас пальцы в краске. Разве вы фрукт держите? Это папье-маше!

Я прикусила губу. У Кисы конкретное мышление, и она права. Сейчас воспитательница положила на стол вовсе не сочное яблоко.

Валентина открыла рот, а Кисуля продолжала:

— Грушу я съем с удовольствием, а то, что вы достали, жевать не стану. И вам не стоит. Отравитесь.

— Кисонька, представь, что это настоящие фрукты, — сдавленным голосом попросила я, — скажи нам громко, как они называются?

— Это даже малыши знают, — засмеялась Киса, — банан, яблоко... Дальше надо?

— Спасибо, милая, — поблагодарила я и посмотрела на Валентину: — Первоклассница, которая справедливо говорит, что перед ней имитация из папье-маше, а не настоящие фрукты, не может считаться ребенком с неразвитым интеллектом. Она просто забыла слово «папье-маше».

— Зато я хорошо помню, из чего его делают. Старые газеты или другая бумага, клей. Поэтому оно так противно пахнет, — заявила Киса.

— Ребенка надо показать психиатру, — не сдавалась Горкина.

— Вас не устраивает правильное объяснение состава папье-маше? — уточнила я.

— Девочке требуется психиатр, — пошла вразнос Валентина, — я не могу оставить ее в кружке. Сумасшедшие агрессивны. На вопрос о родителях девочка сказала, что ее родная мать умерла, она живет у отца, а воспитывает ее лампа, которую Киса очень любит. Бред!

Киса подняла вилку, которой ела салат, и показала на меня:

— Верно. Она Лампа.

— Слышали? — торжествующе осведомилась Горкина. — Вы лампа! Здорово, да? Интересно, какая? Настольная, люстра, торшер? И, как больная, вилкой размахивает! Того и гляди глаза нам выколет!

— Уважаемая госпожа Горкина, — постаралась спокойно говорить я, — мое имя Евлампия, друзья

и члены семьи называют меня просто Лампа. Родная мать Кисы, к сожалению, скончалась. Девочка — дочь моего мужа, я ее удочерила. Киса верно объяснила: ее воспитывает Лампа. Не электрическая. Не керосиновая. Не газовая. Просто имя такое. Ваши занятия мой ребенок посещать не станет. До свидания.

— Ну... я не знала... — забубнила Валентина, — побоялась, что сумасшедшая на кого-нибудь накинется... Но раз она с головой дружит, я допускаю ее в кружок. Пусть завтра...

— Валентина, — перебила я Горкину, — Киса к вам больше не придет!

— Занятия бесплатные.

— Спасибо, нет.

— Стоимость обучения азам искусства включена в путевку.

— Спасибо. Нет, — повторила я.

— Ребенок должен посещать центр!

— По какой причине? — изумилась я.

— Вы должны научить девочку ценить деньги. Раз мать их потратила, нужно получить знания.

— Извините, мы хотим пообедать, — отрезала я, — вдвоем.

Валентина встала.

— Из-за таких, как вы, страдают другие постольцы. Дети должны находиться на огороженной территории центра. Иначе они бегают, орут, мешают нормальным людям отдыхать. От шума и гама у всех мигрень начинается.

Я встала.

— Кисонька, поехали домой. Поедим где-нибудь в ресторане.

Девочка вскочила, мы пошли к двери.

— В люксе поселились, так на всех им, богачам, плевать! — крикнула нам в спину воспитательница. — Детей эгоистами растят. Поплачете, когда она вам стакан воды перед смертью не подаст. Да уж поздно будет слезы лить-то.

Глава 2

Не успели мы войти в номер, как Киса кинулась к холодильнику и вытащила оттуда бутылку минералки.

— Держи, Лампуша.

— Спасибо, пить не хочется, — удивилась я, не понимая, с чего вдруг Киса решила меня напоить.

— Я всегда дам тебе стакан воды, — затараторила девочка, — и вообще все отдам. Хочешь мой пазл из пяти тысяч кусков?

— Ужас! Мне такой ни за что не сложить, — испугалась я.

— Я тебе обязательно с картинкой помогу, — завила Киса. — Лампа, ты же не умрешь?

Я обняла ее.

— Нет.

— Никогда?

Есть вопросы, на которые не стоит давать честный ответ.

— Буду жить вечно!

Киса ухмыльнулась.

— Правда, воспитательница дура?

— Не надо грубо говорить о людях, — остановила я ее.

— Дурака нельзя называть дураком? — уточнила малышка.

— Нет, — после короткой паузы ответила я, — лучше найти более вежливые слова.

— И как вести себя с Валентиной Марковной? — поинтересовалась Киса. — Что произнести, если хочешь сказать: «Тетья, вы дура»?

Я вздохнула.

— Лучше промолчать, проглотить фразу.

Кисуля постучала себя по груди кулачком:

— А если внутри прямо вулкан кипит! Почему она меня умственно отсталой назвала?

Я опять обняла малышку.

— Думаю, ей надо объяснить так: «К сожалению, Валентина Марковна, вы склонны к поспешным выводам, которые делаете, не имея достаточного количества информации о человеке». В этом случае нет ни злобы, ни раздражения, есть лишь констатация факта.

— Констатация факта? — заморгала Кисуля. — Это что?

Я пустилась в объяснения.

— Если свинью назвать свиной, а козу — козой, это не оскорбление. Коза и есть коза, свинья есть свинья. А вот когда козу обзывают свиной...

Я открыла бутылку и стала пить прямо из горлышка. Чем старше становится Киса, тем более сложные вопросы она задает.

— Поняла! — подпрыгнула девочка. — Стол — он стол. Дура — она дура. Назвать дуру дурой это не обида, а констатация факта. Точка! Я пошла складывать вещи.

Весело распевая, Кисуля умчалась.

Я выдохнула. Молодец, Лампа, медаль тебе на грудь и денежное вознаграждение в придачу. Отлично объяснила девочке что к чему. Дура — она дура, и если ей это сказать, то не будет обидно. Гениальный вывод. И ведь я сама Кисе так заявила.

На стене пискнул домофон.

— Кто там? — спросила я, глядя на экран.

— Лиза Королева, — ответила молодая женщина, — одна из владелиц санатория. Разрешите войти?

Я нажала на кнопку.

— Простите, пожалуйста, — произнесла Елизавета, входя в номер, — мы с мамой просто в шоке. Валентина Марковна наш новый сотрудник. До нее у нас служила Сонечка, дети ее обожали. Но девушка вышла замуж, уехала в Питер. Горкину мне рекомендовал приятель, и вот какой конфуз получился! Знаю, как она с вами поговорила. Пожалуйста, не прерывайте свой отдых.

Я молча слушала Королеву. Если честно, покидать санаторий мне совсем не хочется. Мужа спешно вызвал клиент, Макс улетел за границу. У Кисы

сейчас каникулы, она совершенно свободна. Идея отдохнуть на свежем воздухе показалась мне удачной. Сразу после Нового года я начала подыскивать подходящее место, ничего особенного я не хотела. Искала заведение вблизи Москвы, где можно снять номер из нескольких комнат. Поскольку я сейчас занимаюсь поиском нового жилья для семьи, то намеревалась ездить в столицу, чтобы посмотреть варианты. К сожалению, квартиры мечты пока не попало. А к осени хочется переехать. Ареал поисков ограничен одним районом. Киса наконец-то пошла в хорошую школу, нельзя снова переводить девочку. Теперь понимаете, почему я решила найти отель, где есть хорошая программа для детей? Пока Кисуля будет лепить, танцевать, петь, плавать, за ней присмотрят, а я спокойно съезжу в столицу. Киса не из тех детей, которые каждую секунду готовы к подвигам. Но если она останется одна, я вся изнервничаю.

Открыв первый раз в поисковике список мест для отдыха в Подмосковье, я увидела массу сообщений и обрадовалась: проблем не будет, вон сколько красивых фото и заманчивых предложений.

Первым делом я обратила внимание на «Розовые закаты». На сайте пансионата указывалось: «Мы находимся на живописном лоне природы. Идеальное сочетание цена — обслуживание. Пятиразовое питание. Прекрасные номера». Я поехала по указанному адресу и увидела трехэтажное здание, похожее на школу, в которой некогда то-

сковала на уроках я, девочка Романова. Красную кирпичную постройку окружали чахлые деревья. Меж ними стоял столб с табличкой «Лес дружбы. Посажен воспитанниками детского сада «Неунывайка». Я уловила неприятный запах, огляделась и увидела, что неподалеку расположена помойка, над которой поднимался столб дыма. Вы здесь захотите отдышаться?

Другой пансионат хвастался тем, что он существует с конца девятнадцатого века, в нем прекрасно проводили время члены царской семьи, а после большевистского переворота там жили представители советской элиты. Я опять села за руль, прикатила по указанному адресу и заликовала. Огромный дом с белыми колоннами и впрямь располагался в сосновом бору, воздух был чудесный. Но когда я вошла внутрь... Нет, на сайте не солгали, ну разве что самую малость. Подредактировали дату основания здравницы. На фасаде были выложены мозаикой цифры «1925 г.», здание возвели в середине двадцатых годов прошлого века. И все в нем осталось таким, как в день открытия. Красные ковровые дорожки, бархатные шторы, дубовый паркет, натертый мастикой, фикусы в здоровенных кадках, скрипучие кровати, на которых возлежали стеганные ватные матрасы, огромные трехстворчатые гардеробы. Душевая в конце коридора. Правда, в номере находился индивидуальный туалет: в комнате за ширмой стоял биоунитаз. Я приехала к завтраку и ощутила приступ ностальгии. В столовой раздавали жидкую манную

кашу, в центре которой желтела лужица растопленного сливочного масла. И обслуживающий персонал был под стать: семь тетушек в домашних тапках. И их совокупный возраст, на мой взгляд, составлял тысячу лет. Сотрудница, которая водила меня по углам и закоулкам богоугодного заведения, в какой-то момент предалась воспоминаниям:

— Помню, как у нас тут поправлял здоровье Павел Корчагин. Я тогда была старшей по этажу.

Зная, что этого человека не существовало в действительности, он плод фантазии писателя Николая Островского, главный герой книги «Как закалялась сталь», которую рекомендовали читать всем советским школьникам, я едва не рассмеялась. Но посмотрела на буйную «химию», которая стояла дыбом на голове сопровождающей, на черные ниточки ее бровей и поверила горничной. Она точно видела Павла Корчагина.

Следующим местом, куда я направила свои стопы, была здравница «Бриллиант». Я была восхищена и номером, и ресторанами, и детской программой и уже приготовилась купить путевку, но тут менеджер нежно пропела:

— За десять дней по системе «все включено» с вас всего два миллиона.

Я икнула и уточнила:

— Рублей?

— Конечно, — улыбнулась очаровательная блондинка, — мы не задираем цены, работаем для массового клиента.